

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ТОМ. I. №. 13.

МАРТА 2го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходилъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№, въ С. П. В. 55 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Мартѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресеніе), — 7-го (въ Пятницу), — 12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвергъ).

А С А М Б Л Е Я при ПЕТРѣ I-МѢ. (*)

Въ большой компаніи, освѣщенной сальными свѣчами, копория пускало горѣли въ облакахъ шабачнаго дыму, Вельможи, съ голубыми лентами черезъ плечо, Посланники, иностранные купцы, Офицеры Гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, карабельные масперы въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, шомпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звуки духовой музыки. Дамы сидѣли около спѣйт; молодыя блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блестело на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ спбель, ихъ узкая шалія; алмазы блестали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шен. Онѣ весело повериливались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя спарались хипро сочешинъ по-твой образъ одѣжды съ гонимою спариною: чепцы сбивались на соболю шапочку Царицы Нашей Кириловны, а робронды и манилы какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствиемъ присутствовали на сихъ нововведеныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шхиперовъ, копория, въ канифасныхъ юпкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, взали свой чулокъ, между собою смѣясь и разговаривая, какъ будто дома. Замѣтила новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и спаканами на подносѣ. «Que diable est-ce que tout cela?» спрашивалъ К. въ полуслова у И....а. И....ъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великая Княжна, блестя красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой компаніи. К., желая ему показаться, насилии могъ шуда прообразиться сквозь безпрепятственно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большою частію иностранные, важно по-

куривали свои глиняныя трубки и опораживая глиняныя кружки. На сполахъ разсплавлены были бутылки пива и вина, кожаные мышки съ шабакомъ, спаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ сихъ споловъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга зампами шабачнаго дыма, и Государь такъ бытъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего прошивника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около ихъ ни вернѣлся. Въ это время шоленый господинъ, съ шоленымъ букетомъ на груди, суевѣчиво вошелъ, объявивъ громогласно, что танцы начались — и топчась ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ штомъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовой залы, при звуки самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо пропинувъ себя, попомъ поворотясь на право, попомъ на лѣво, шамъ опять прямо, опять на право и такъ далѣе. К., смущая на сіе запѣливое препровожденіе времени, шарашилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились и шоленый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и пригоповился блеснуть. Между молодыми госпильями, одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ, она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подъ мужчинъ пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разглѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцевать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ, и казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подъ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея решения, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, опель на средину залы и важно сказалъ: «Государь мой, ты провинился: во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей

(*) См. Голикова и Русскую Старину.

и при должные реверанса; а во впорыхъ, взявъ на себя самому ее выбратъ, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаешь дамъ, а не кавалеру; сего ради имѣнъ ты бышъ весьма наказанъ, именно, долженъ выпить кубокъ большаго орла. « К. часъ опть часу болѣе дивился. Въ одну минуту госпи его окружили, шумно пребуя немедленного исполненія закона. Петръ, услыша хохонгъ и крики, выпиль изъ другой компаніи, будучи больной охотникъ лично присуществовавши при шаковыхъ наказаніяхъ. Передъ Нимъ шолпа раздвинулась и Онъ вспутилъ въ кругъ, гдѣ спояль осужденный и передъ нимъ Маршалъ асамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіемъ. Онъ щечнико уговаривалъ преспушика добровольно повиновавшися закону. « Ага, » сказалъ Петръ, увидя К. « попался, братъ! Изволь же, Мосье, пить и не морщишься. » Дѣланъ было нечего. Бѣдныи щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его Маршалу. — « Послушай, К. » сказалъ ему Петръ: « иншаны-то на шебѣ бархатныя, какихъ и Я не ишу, а Я шебя гораздо богаче. Это моповеніво; смопри, чтобъ Я съ штобой не побраницялся. » Выслушавъ сей выговоръ, К. хопѣль выпилъ изъ круга, по заинталася и чунь не упаль, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и запамятливости главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры спали шаркать и кланившись, а дамы присѣданіи и постукивали коблучками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдала кадаша. К. . . . не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію опца своего Г. А. подошла къ И. . . . и попутя голубые глаза, робко подала ему руку. И. . . . пропиццовала съ нею менуэтъ и опель ее на прежнее мѣсто; поптомъ опыскавъ К. , вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и опрѣзъ домой. Дорогою К. спачала певчий лепешаль: « Проклятая асамблея! проклятой кубокъ большаго орла! » по вскорѣ зануя крѣпкимъ спомъ, не чувствовалъ, какъ онъ прѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили; и проснулся на другой день съ головною болѣсъ, смущно помня шарканья, присѣданія, пиабачный дымъ, господина съ букеномъ и кубокъ большаго орла.

ГЛУХИЕ.

(Индійская Сказка изъ книги: РАНЧА - ТАНТРА.)

Недалеко опть деревни, глухой паспухъ пасъ свое спадо; былъ уже полдень, но жена еще не приносила ему завѣрака; паспухъ боялся оспавинъ спадо и исп-

ши за завѣракомъ. Кто знаєшъ, чпо бы могло случиться со спадомъ; между пѣмъ, голодъ мучилъ бѣднаго паспуха и надобно было на чпо нибудь рѣшишься.

У ближнаго ручья Талеярій (*) косилъправу для своей коровы. Нехотя паспухъ подходилъ къ нему, ибо хопя должностъ этихъ людей и соотношъ именно въ охраненіи собственности опть воровъ, но часто сами Талеяріи-то и суть паспоящіе воры. — Паспухъ просилъ сего послѣдняго посмотрѣть за спадомъ, на время краткаго его опшущствія, увѣряя, чпо по возвращеніи онъ щедро наградитъ его.

Талеярій былъ такжѣ глухъ и ни пол слова не понялъ изъ рѣчи паспуховой. « Какое право имѣшь ты надъ этой правою? » воскликнулъ Талеярій съ гибвомъ: « развѣ моя корова должна умереть съ голоду для того только, чтобъ были сыны швои бараны? Нѣсть! не опдамъ тебѣ этой правы; оспавь меня въ покой и прощай. » Си послѣдня слова были сопровождены выражительными движениями руки, которое паспуху показалось обѣщаніемъ сохранить его спадо. Успокоившись на сей счесть, паспухъ поспѣшилъ къ женѣ своей, намѣреваясь дать ей добрую гонку за ея перадѣніе.

Приблизившись къ дому, онъ увидѣлъ жену свою на порогѣ дверей; въ спрашныхъ судорогахъ, кашалася она по полу, опть съѣденаго ею вчера большаго количества сырого гороха. Необходимо помочь ей и попомъ приготовить самому обѣдъ, задержала паспуха гораздо болѣе, нежели какъ предполагалъ онъ. Совсѣмъ пѣмъ, не надѣясь слишкомъ на своего сторожа, паспухъ посыпалъ какъ возможно скорѣе возвратившись къ спаду. Увидѣвъ своихъ барановъ, пасшихся недалеко опть того мѣста, гдѣ онъ оставилъ ихъ, паспухъ перечелъ ихъ и нашелъ ихъ всѣхъ въ цѣломъ, воскликнулъ: « Вонъ добрый человѣкъ эшо Талеярій! это драгоценная жемчужина изъ всѣхъ его соповарицѣй. Я обѣщалъ ему награду; онъ доспонитъ получитъ ее. »

Въ спадѣ была овца хромая, но впрочемъ здоровая и жирина; паспухъ взвалилъ ее на плеча и поднеся ее къ Талеярію, сказалъ: « Ты сберегъ мое спадо во времія моего опшущствія; вотъ тебѣ овца за пруды швои. »

Талеярій, видя передъ собою хромую овцу, возразилъ съ гибвомъ: « Чпо ты меня обвишь? развѣ я изломалъ ногу швоей овцы? клянусь тебѣ, что современи швоего ухода, я съ этого мѣста не двигался и не думалъ подходить къ швоему спаду.

— « Опа молода и жирина, » опивчалъ паспухъ, « хопя и хромаешь; съѣшь ее во здравіе съ швоей семьею и друзьями. —

— « Я уже тебѣ сказалъ, » возразилъ Талеярій еще съ большимъ гибвомъ, « что я не подходилъ къ швоему спаду; а ты все иаки хочешь увѣринь, чпо я изло-

(*) Имя деревенского слуги.